

СОДЕРЖАНИЕ

Как писать хорошим стилем

9

Введение

15

ГЛАВА 1

Совет для каждого, кто что-нибудь пишет

31

ГЛАВА 2

О том, как писать художественную прозу

69

ГЛАВА 3

Основной стимул

73

ГЛАВА 4

Обходной путь вперед

86

ГЛАВА 5

Прямо по курсу...

99

ГЛАВА 6

Прорыв

108

ГЛАВА 7

Страх (не) отыскать стоящую тему, или

Маловато смертей

118

ГЛАВА 8

Еще кое-что о главной движущей

силе творчества, или Не бойтесь

126

ГЛАВА 9	
О том, что возвышает душу	
	132
ГЛАВА 10	
Прибежище	
	153
ГЛАВА 11	
Что делает произведение искусства великим, или	
Искусство и душа	
	157
ГЛАВА 12	
Агенты перемен	
	159
ГЛАВА 13	
Писатели как учителя, или	
Самая достойная профессия	
	174
ГЛАВА 14	
Воннегут в аудитории	
	191
ГЛАВА 15	
Тяготы и утешения	
	207
ГЛАВА 16	
Талант	
	218
ГЛАВА 17	
Усердие	
	225
ГЛАВА 18	
Ловушки и западни	
	230
ГЛАВА 19	
Методологизм	
	234

ГЛАВА 20	
Воплощение	
	239
ГЛАВА 21	
Развитие сюжета	
	247
ГЛАВА 22	
Регенерация	
	252
ГЛАВА 23	
Мать всех жемчужин	
	257
ГЛАВА 24	
Как начать	
	262
ГЛАВА 25	
Сюжет	
	273
ГЛАВА 26	
Персонаж	
	293
ГЛАВА 27	
Звучание прозы	
	315
ГЛАВА 28	
Облик прозы	
	337
ГЛАВА 29	
Профессия — шутник	
	349
ГЛАВА 30	
Черный юмор	
	359

ГЛАВА 31	
Как существенно улучшить ваш текст, или	
Виды правки	
	374
ГЛАВА 32	
Выбор, или На золотом крыльце сидели...	
	401
ГЛАВА 33	
Как этим зарабатывать	
	408
ГЛАВА 34	
Позаботьтесь о своих фигурах на доске	
	436
ГЛАВА 35	
Дурачества в жизни и в искусстве	
	464
ГЛАВА 36	
Любовь, брак, дети и все такое	
	476
ГЛАВА 37	
Вместе лучше, или Сообщество	
	492
<i>Благодарности и разрешения</i>	
	519
<i>Библиография</i>	
	527
<i>Примечания</i>	
	537

КАК ПИСАТЬ ХОРОШИМ СТИЛЕМ¹

КУРТ ВОННЕГУТ

Компания International Paper попросила Курта Воннегута, автора «Бойни номер пять», «Рецидивиста», «Колыбели для кошки» и других романов, рассказать, как вкладывать свой стиль и черты своей личности во всё, что вы пишете.

Газетные репортеры и писатели-технари обучены составлять тексты так, чтобы не оставлять там ничего от их собственного «я». Это делает их белыми воронами мира писателей, поскольку все остальные чернильные души этого

---

¹ Перевод статьи Курта Воннегута «How to write with style», оригинал которой приведен на форзаце этого издания. Статья была впоследствии перепечатана (с небольшими изменениями, в основном сводящимися к восстановлению фрагментов, когда-то вычеркнутых редакторами газеты) в сборнике Воннегута «Вербное воскресенье», который здесь и далее цитируется в переводе А. Аракелова. (Текст статьи дается с использованием этого перевода.) Здесь и далее в используемые нами переводы при необходимости вносятся изменения, уточнения и дополнения. Учитываются современные нормы правописания. Транслитерация имен, географических названий и т.п. приведена к общепринятому современному виду. Унифицированы имена и фамилии персонажей, в разных переводах транслитерируемые по-разному (например, Кэмпбелл, О'Хэйр). Цитаты при необходимости даются в более полном виде, чем у Сьюзен Макконнелл. Отсылки к другим главам книги «Пожалейте читателя» сопровождаются пометками типа «см. главу 19 книги С. М.», чтобы не возникало путаницы с книгами самого Воннегута. (Здесь и далее подстр. прим. — пер. Авторские ссылки на источники даются в виде цифр в квадратных скобках. Сами источники указаны в разделе «Примечания».)

мира готовы многое поведать читателю о себе. Такие откровения, случайные и намеренные, мы зовем элементами художественного стиля.

Эти откровения рассказывают нам, с каким человеком мы проводим время. Невежда наш автор или мудрец, нормальный он или давно свихнулся, глуп или умен, честен или лжив, весел или траурно-серьезен...

Зачем вообще думать о своем писательском стиле, пытаясь как-то его улучшить? Тем самым вы проявляете уважение к читателю — вне зависимости от того, что вы пишете. Если вы нацарапаете свои мысли как бог на душу положит, читателю наверняка покажется, что вам на него плевать. И он сочтет вас маниакальным эгоистом или законченным болваном — или, хуже того, он вообще бросит вас читать.

Самое порочное качество, что вы только можете явить читателю, есть непонимание, что интересно, а что нет. Читатель часто решает, нравится ему писатель или нет, по тому, что писатель решает показать или о чем заставить задуматься. Разве вы станете читать пустоголового писаку только за цветистость его языка? Нет.

Очевидно, что ваш роскошный художественный стиль начинается с интересной идеи в вашей голове.

1. Найдите тему, которая вам безразлична

Найдите тему, которая безразлична вам и которая, по вашим ощущениям, будет безразлична и остальным. Только неподдельный интерес, а не ваши игры с языком, может стать самым важным и привлекательным элементом вашего стиля.

Я, кстати, не призываю вас писать роман, хотя я не был бы против его прочесть, если вы действительно увлечены тем, о чем пишете. Вполне достаточно петиции мэру насчет дорожной ямы перед вашим домом или любовного письма соседской девушке.

2. Но избегайте многословия

Я не стану многословно распространяться об этом.

3. Пишите просто

Что касается языка: помните, у двух величайших художников английского языка, Уильяма Шекспира и Джеймса Джойса, слова, произнесенные персонажами в минуты переживания самых возвышенных чувств, звучат почти по-детски. «Быть или не быть?» — спрашивает шекспировский Гамлет. Самое длинное слово — четыре буквы. Джойс мог влегкую нанизать фразу хитросплетенную и сверкающую, как ожерелье Клеопатры, но моя любимая его фраза звучит в рассказе «Эвелина»: «Она устала». В этой точке рассказа ничто не может тронуть читателя сильнее, чем эти два слова.

Простота языка не просто ценится, иногда она священна. Библия открывается словами, которые мог написать смысленный подросток: «В начале сотворил Господь небо и землю».

4. Имейте смелость вымарывать лишнее

Не исключено, что и вы способны создавать сверкающие ожерелья для Клеопатры. Но изящество вашего языка должно быть слугой идей в вашей голове. Общее правило следующее: если фраза, пусть и очень удачная, не представляет тему в новом, интересном свете — вычеркиваем. Это же правило можно применить к художественной прозе: избегайте в тексте фраз, которые не характеризуют персонажа и не продвигают действие вперед.

5. Говорите собственным голосом

Ваш самый естественный стиль письма обязательно будет отражать манеру речи, которую вы усвоили ребенком. Английский был третьим языком романиста Джозефа Конрада,

и большая часть пикантности в его английском происходит, без сомнения, из его первого языка, польского. К счастью для него, писатель рос в Ирландии, а тамошний английский очень приятен, музыкален на слух. Сам я рос в Индианаполисе, столице штата Индиана, где обычная речь звучит словно жестянка, разрезаемая ленточной пилой, а языковой словарь так же богато изукрашен, как разводной ключ.

В некоторых дальних уголках Аппалачских гор дети до сих пор растут под песни и выражения времен королевы Елизаветы. Многие американцы растут в окружении других языков — неанглийского или такого английского, которого не поймет большинство американцев.

Все эти разновидности речи прекрасны, как прекрасны все разновидности бабочек. Каким бы ни был ваш первый язык, его нужно холить и лелеять. И если он отличается от общепринятого английского, просвечивает, когда вы пишете на «усредненном» английском, результат, как правило, замечательный. Как прекрасная девушка, у которой один глаз голубой, а другой зеленый.

Я заметил, что читатели, в том числе я сам, больше доверяют моим текстам, если я предстаю в них уроженцем Индианаполиса, то есть самим собой. А какой у меня выбор? Есть вариант, который яростно пропагандируют преподаватели и к которому, я уверен, пытались склонить и вас: писать как утонченный англичанин прошлого или позапрошлого века.

6. Говорите то, что хотите сказать

С некоторых пор меня перестали раздражать такие наставники. Теперь я понимаю, что все эти антикварные этюды и рассказы, на которые я должен был ориентироваться, были великолепны не своей ветхостью и экзотикой заграницы. Просто в них текст передавал именно то, что автор хотел сказать. Мои учителя пытались научить меня писать точно,

всегда подбирать самые действенные слова и связывать их друг с другом жестко, прочно, как детали механизма. Мои учителя не желали превратить меня в англичанина. Они надеялись, что я буду понятен — а следовательно, понят.

Так и пришел конец моей мечте играть со словами, как Пабло Пикассо с красками или как мои джазовые кумиры — со звуками. Если я нарушу все правила пунктуации, назначу словам новые значения по своей прихоти и нанижу их вперемешку, я просто не буду понят. Так что вам я тоже не советую писать в стиле Пикассо или в джазовой манере, если вам, конечно, есть что сказать и вы желаете быть понятыми.

Читатели хотят, чтобы наши страницы были похожи на страницы, которые они видели раньше. Почему? Да потому что перед ними и так стоит трудная задача и от нас им требуется вся возможная помощь.

7. Пожалейте читателей

Им придется опознать тысячи маленьких значков на бумаге и немедленно извлечь из них смысл. Им предстоит *читать*, а это искусство столь сложное, что большинство людей не в состоянии его полностью освоить на протяжении средней и старшей школы — двенадцати долгих лет.

Итог этой дискуссии — в том, что писательский выбор стиля невелик и не роскошен, поскольку наши читатели, конечно, не очень совершенны как художники. Аудитория вынуждает нас быть внимательными и терпеливыми учителями, всегда готовыми упрощать и разъяснять — хотя мы с радостью взмыли бы над толпой и разразились бы соловьиными трелями.

Это была плохая новость. Хорошая состоит в том, что американское государство основано на единственной в своем роде Конституции, которая позволяет нам писать что угодно и не бояться наказания. Так что самый ключевой аспект

ПОЖАЛЕЙТЕ ЧИТАТЕЛЯ

нашей стилистики, а именно выбор темы для творчества, неисчерпаем.

8. Если вам нужны более подробные рекомендации...

Что же касается дискуссии о литературной стилистике в более узком смысле, я рекомендую вам книгу «Элементы стиля» Уильяма Странка-младшего и Э. Б. Уайта (William Strunk, Jr., E.V. White, *The Elements of Style*, Macmillan, 1979). Э.Б. Уайт, бесспорно, является одним из значительнейших литературных стилистов нашей страны.

Но, замечу я, никого бы не заинтересовали замечательные способности мистера Уайта к выражению своих мыслей, если бы не великолепные мысли, которые он выражал.

ВВЕДЕНИЕ

**Вот вам опять, милости просим, —
доподлинные события и мнения,
собранные вместе, чтобы явилось на свет
этакое здоровенное и нелепое животное,
выдуманное прекрасным писателем
и иллюстратором детских книжек
Доктором Сьюзом, — наподобие всех
этих субликов, зебрадилов, пантуаров,
а если хотите, вроде тигведя.**

КУРТ ВОННЕГУТ, «СУДЬБЫ ХУЖЕ СМЕРТИ»¹

В конце 1960-х я училась у Курта Воннегута-младшего² в Писательской мастерской Айовского университета³, и с тех пор мы оставались друзьями — до самой его смерти. Я почерпнула столько мудрости от него — писателя, преподавателя, просто человека. Эта книга задумывалась как своего рода

---

¹ Здесь и далее книга Воннегута «Судьбы хуже смерти (Биографический коллаж)» цитируется в переводе А. Зверева.

² Курт Воннегут-старший (1884–1957) — отец писателя, американский архитектор, преподаватель архитектуры, предприниматель.

³ Пусть название «Айовский университет» не смущает читателя своей мнимой провинциальностью. Среди выпускников его Писательской мастерской (в «Бойне номер пять» в переводе Р. Райт-Ковалевой она называется творческим семинаром) — Джон Чивер, Филип Рот, Майкл Каннингем, Фланнери О'Коннор, Уильям Снодграсс и многие другие знаменитые американские прозаики и поэты, в их числе — 17 лауреатов Пулитцеровской премии.

история о советах, которые Воннегут давал *всем* писателям, преподавателям, читателям — и всем остальным.

Воннегут еще не был знаменит, когда он начинал преподавать в айовской Писательской мастерской. К тому времени ему было сорок два, он выпустил четыре романа и работал над «Бойней номер пять».

Когда я его впервые увидела (а я тогда еще не знала, кто он такой), он сумел меня рассмешить. Вместе с другими писателями, которым предстояло нас учить, он стоял перед собравшимися в одной из лекционных аудиторий. Он был высокий, сутулый (человек в форме банана, как он сам себя однажды описал), курил сигарету, вставленную в длинный черный мундштук, слегка откинув голову назад и выпуская дым, явно осознавая всю нелепость и аффектированность этого занятия. Иными словами, он намеренно *принял позу* (Оскар Уайльд вообще считал, что это наша главная обязанность в жизни).

Как я позже узнала, при помощи мундштука он всерьез пытался как-то ослабить пагубное воздействие курения.

Учебная программа Айовского университета, по окончании которой присуждалась степень MFA (Master of Fine Arts — магистр изящных искусств), занимала два года — достаточно большой срок, чтобы студенты постепенно при­тягивались, словно под действием осмотических сил, к тем преподавателям, с которыми ощущали сродство. Ко второму году учебы по этой программе я проторила дорожку в мастерскую Воннегута.

Заодно я прочла «Колыбель для кошки» и «Мать Тьму» — две его самые свежие на тот момент книги. Так что я знакомилась с ним как с писателем — через эти романы — в то же самое время, когда узнавала его как преподавателя и человека.

В течение своего первого года учебы я жила по соседству с семейством Воннегутов, в населенном аспирантами месте под названием «Газосветная деревня Блэка»⁴. Потом эта географическая смежность получила развитие: я навещала Курта в Барнстейбле⁵, виделась с ним в Мичигане (именно там он тогда читал лекции, а я начала преподавать), перебралась в Нью-Йорк примерно в то же время, что и он, а последние тридцать пять лет провожу летние месяцы в часе езды от того места на мысе Код, где он прожил два десятилетия. Время от времени мы с Куртом вместе сидели за ланчем, обменивались письмами, говорили друг с другом по телефону, случайно встречались на мероприятиях. На свадьбу он прислал мне в подарок чудесную вазу из выдувного стекла. В общем, мы с ним всегда поддерживали контакт.

Вероятно, вы тоже познакомились с Воннегутом, прочитав его книги, которые вам задавали в старших классах школы или в колледже или которые вы читали по собственной инициативе (тут многое зависит от вашего возраста). Если вам знакома «Бойня номер пять», самая знаменитая его вещь, то вы знаете и о том, какой именно опыт побудил его написать эту книгу, поскольку он сообщает об этом в первой же главе: во время Второй мировой его (двадцатилетнего американца немецкого происхождения)⁶ захватили в плен немцы и доставили в Дрезден, тот самый город, который затем разбомбили зажигательными бомбами британские и аме-

---

⁴ Архитектурно-парковый комплекс в Айова-Сити, основанный в 1950-х гг. филантропом Генри Блэком как «прибежище для писателей и художников».

⁵ Городок в штате Массачусетс, где долгое время жил Воннегут.

⁶ И «пехотинца (нестроевой службы)». (Здесь и далее «Бойня номер пять» цитируется в переводе Р. Райт-Ковалевой.)

риканские войска. Он и его собратья-узники, отправленные в помещения подземной бойни⁷, выжили, чего нельзя сказать о большинстве других людей, животных и растений, обитавших в тогдашнем Дрездене.

Это событие наряду с другими стало топливом для его творчества и сформировало его взгляды. (Впрочем, вопреки расхожему мнению, оно не явилось для него первым творческим импульсом. Еще до того, как пойти на армейскую службу, он уже двигался к писательству.) Я намерена провести вас сквозь лабиринт его советов, подобно некоему режиссеру-кукловоду: приводя эпизоды его биографии, когда они способны пролить свет на то, как он приобрел мудрость, которой с нами делится; уточняя (по возможности), из какого момента или периода его жизни (начало писательского пути, становление, творческая зрелость) берет начало та или иная рекомендация; рассказывая о подходящих случаях из его жизни — и из моей собственной (когда это уместно).

Меня попросили написать эту книгу в Фонде Воннегута. Собственно, предполагалось, что ею займется Дэн Уэйкфилд⁸. Но он был слишком утомлен после составления двух других книг воннегутовских текстов — «Писем», комментированного собрания избранных посланий К. В., и «Здорово, правда?», антологии воннегутовских речей. Кроме того, его тянуло вернуться к собственной прозе. Вот он и позвонил мне. И очень настойчиво заявил: «Ты идеальный автор для этой книги. Ты преподаешь писательское мастерство, ты сама пишешь прозу, ты у него училась, ты его знала лично. Замечательное сочетание. Всё сходится».

---

⁷ Туда их заперли на ночь.

⁸ Дэн Уэйкфилд (р. 1932), американский романист, сценарист, журналист. Одноклассник и давний друг Воннегута.

Предполагалось, что примерно 60% текста составят слова Курта Воннегута. А все прочее целиком лежало на мне — в том числе и композиция книги.

Дэн уверял: чтобы продемонстрировать свой писательский стиль и показать, что я в состоянии справиться с этой задачей, мне надо просто написать заявку (в виде предисловия к предполагаемой книге) и вместе с составленными мною краткими биографиями Воннегута, которые когда-то напечатали *Brooklyn Rail* и *Writer's Digest*, отправить ее Дону Фарберу, руководителю Фонда Воннегута, другу и адвокату К. В., а также Артуру Клебановфу, главе электронного издательства RosettaBooks. Обо мне Дэн, по его словам, им уже рассказал.

Месяц спустя, когда я была волонтером на Бруклинской книжной ярмарке за столиком Мемориальной библиотеки Курта Воннегута, Джулия Уайтхед, директор библиотеки, познакомила меня с Дэном Саймоном, основателем издательства Seven Stories Press: в свое время он опубликовал две последние книги Воннегута, да и вообще хорошо его знал. Я объяснила ему суть проекта. Саймон прошептал: «Я бы с радостью выпустил эту книгу». В результате появился новый контракт — между Фондом Воннегута, RosettaBooks, Seven Stories Press и вашей покорной слугой. Вуаля. Так что, в какой бы форме вы ни читали этот текст, знайте: эта форма учтена в нашем контракте.

Уилфрид Шид⁹ писал о Воннегутае: «Его не загонишь в рамки какого-нибудь “изма”, даже самого хорошего», отмечая, что он предпочитал «опираться на интуицию, когда дело касалось его политических взглядов — даже его пацифизма» [1]. Воннегут всегда склонен был видеть другую сторону медали,

---

⁹ Уилфрид Шид (1930–2011), американский романист и эссеист британского происхождения.

всевозможные неоднозначности, двусмысленности и противоречия.

Ведь, как ни крути, его некогда захватил в плен и принудил работать (таскать и перевозить трупы) вражеский режим, погрязший в идолопоклонстве перед тираном, прогнивший из-за стремления людей к легким авторитарным решениям.

К. В. оценил бы палиндром швейцарского художника Андре Томкинса: «DOGMA I AM GOD»¹⁰ [2].

Что до меня, мне хотелось бы по возможности погасить мой личный и читательский порыв относиться к рекомендациям Курта Воннегута как к догме. Я надеюсь добиться этого разными способами — в частности, взяв на вооружение понятие «Протемнения»¹¹.

Эта концепция позаимствована мною из «Глубокой простоты» Уилла Шутца, вышедшей в 1979 г. Если верить обложке, это «книга, придающая смысл всему Движению за развитие человеческого потенциала». Шутц, ведущий психиатр этого движения, почти сразу же гордо перечисляет свои «регалии», утверждая, что изучил все пути расширения сознания, души и возможностей тела, какие предлагает движение. Кроме того, он провел бесчисленное множество семинаров в Институте Эсален¹². Книга у него получилась лаконичная, практичная и по-настоящему полезная (в настоящее время ее, правда, приобрести нельзя: все предыдущие тиражи раскуплены, а новые не печатаются). Однако за прошедшие с ее выхода

---

¹⁰ Догма: я — бог (англ.).

¹¹ Endarkenment — в противовес Enlightenment (Просвещению). Иногда переводится как «оглупление», «дебилизация».

¹² Институт Эсален — поселение-коммуна в Биг-Суре (штат Калифорния). Основано в 1962 г., названо в честь индейского племени, некогда жившего на этой территории. Площадь — около 50 га. Расположено в малонаселенной местности, что наряду с запретом на радио, телевидение, газеты и другие способы связи с «большим миром» позволяет обитателям «оторваться от современного общества» и «ощущать единение с природой».

тридцать лет мне сильнее всего врезалась в память последняя глава — «Протемнение». Начинается она так: «Иногда мое упорное стремление к росту делается предметом веселого изумления со стороны той моей части, которая постоянно наблюдает за мной». Порой он уставал от этого стремления — и принимался бунтовать.

Так он и придумал психологическую мастерскую под названием «Протемнение». Ее участников побуждали всячески отклоняться от праведного пути, проявлять поверхностность и упиваться невзгодами, которые они сами же на себя навлекли. Они пили как лошади, курили как паровозы, набивали брюхо дрянным фастфудом и винили в своих проблемах не себя, а всех остальных — начиная с других участников мастерской и кончая всемогущим Господом. На обучающих занятиях каждый рассказывал о своей худшей черте и объяснял, как другие могли бы приобрести ее. Один из участников заявил, что он никогда ничего не доводит до конца. Он пообещал, что непременно научит этому всю группу — в ближайшую среду. Но, когда пришла среда, оказалось, что он уже перестал ходить на занятия мастерской.

Результаты обучения в мастерской «Протемнения» ошеломляли. Эти занятия не уступали по эффективности обычным психологическим мастерским в том, что касается осознания «человеческой комедии», в которой играем мы все, и того, что участники сами выбирали, как им поступать, а значит, могли сделать и иной выбор.

Я решила использовать термин «Протемнение» как своего рода руководящий принцип. Когда возникают альтернативы, иронические вариации, предупреждения, касающиеся советов или идей, которые уже были высказаны (или противоречащие высказанным советам и идеям), имейте в виду: тут действует концепция «Протемнения». (Изначально такие места выделялись жирным шрифтом, но этот нюанс куда-то канул в процессе редактирования.) Этот термин и эта методика,

надеюсь, дадут толчок развитию представлений о том, что истина (не путать с фактом) может быть многогранной и что Воннегут был человеком, а не богом-догмой [3].

Сразу же после того, как мне предложили заняться этим проектом, Джулия Уайтхед, основательница Мемориальной библиотеки Воннегута, вывела меня на художника Тима Юда, который тогда как раз проводил перформанс в библиотеке. В чем состоит его художественный эксперимент? Художник заново печатает романы на такой же пишущей машинке, что и писатель, в том же месте, где тот работал (или там, где происходит действие романа). Он печатает весь роман, снова и снова заправляя в машинку одну и ту же страницу (подложив еще один лист — для мягкости), одновременно читая набираемый роман вслух, «бормоча себе под нос», — чтобы не потерять строчку и сохранять вовлеченность в текст. Страница рвется. Он заклеивает ее белой лентой и продолжает работу. Эти случайные пробоины и разрывы создают осязаемое произведение искусства. В конце он отделяет верхний лист от нижнего и помещает каждый в рамку.

В Мемориальной библиотеке Курта Воннегута художник Тим Юд за неделю напечатал таким способом «Завтрак для чемпионов», а затем — «Фарс, или Долой одиночество». Он использовал электрическую пишущую машинку Smith Corona Coronamatic 2200.

«Этот опыт погружения, занявший целых две недели, без перерывов, позволил мне оценить гениальность Воннегута. И особенно — его мрачность», — заметил Юд.

Одна из задач Юда — сосредоточить внимание людей на трудах писателя: «Мы достигли момента, когда нас больше интересует изучение рукописей Керуака, чем собственно чтение Керуака. То же самое и с домом Хемингуэя в Ки-Уэсте».

Такой фетишизм по отношению к знаменитым писателям возникает, по предположению Юда, из-за того, что «действительно читать книги — почти неподъемная работа».

Выпускается — и очень неплохо продается — всевозможная сувенирная продукция, связанная с именем Воннегута: кружки, поздравительные открытки, закладки, карточки для записок, коврики для мыши, футболки. В деловом центре Индианаполиса на одной из стен есть его изображение в виде фрески¹³. Его фразы становятся названиями кафе, баров, музыкальных групп. Люди делают себе татуировки с цитатами из его текстов.

Воздают ли все эти штуки ему честь или, напротив, оскверняют его имя? Служат ли они своего рода талисманами или это просто китч? Ответы на эти вопросы может дать лишь Бог да те, кто все это делает и покупает.

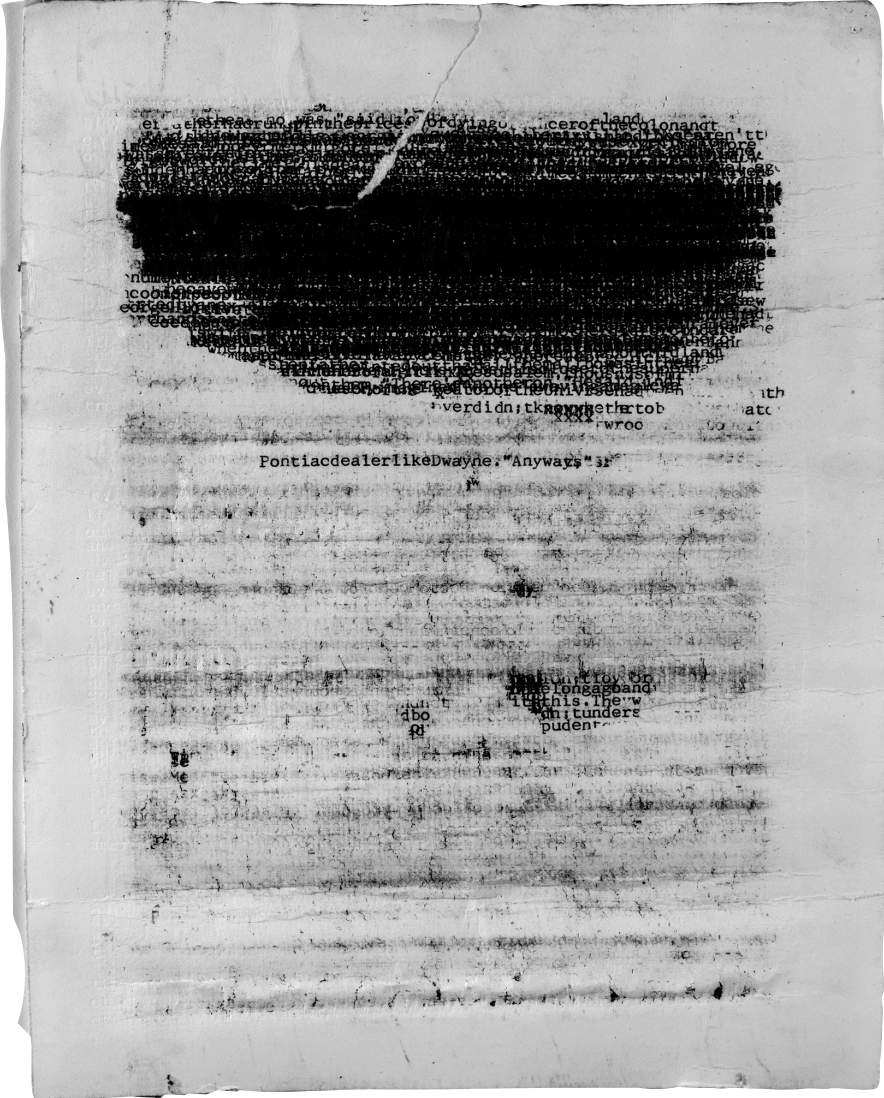

Тим Юд признаёт, что и его собственные перформансы могут вносить вклад в развитие такого фетишизма. Боюсь, я тоже не обойдусь без такого вклада, потому что постоянно вырываю из контекста замечательные слова Воннегута. Для того чтобы они соответствовали задачам этой книги, я перетасовывала, подрезала, переворачивала, поджимала их, втискивая в нужные мне формы.

Тут как с цитатами из Воннегута, которые часто появляются в интернете. Они вырваны из контекста (как вообще все цитаты из кого бы то ни было) и порой вводят в заблуждение. К примеру, его правила написания рассказа, перечисленные в сборнике рассказов «Табакерка из Багомбо», не предназначены для того, чтобы писать по ним роман. Однако их то и дело приводят как рекомендации для сочинителей какой бы то ни было художественной прозы.

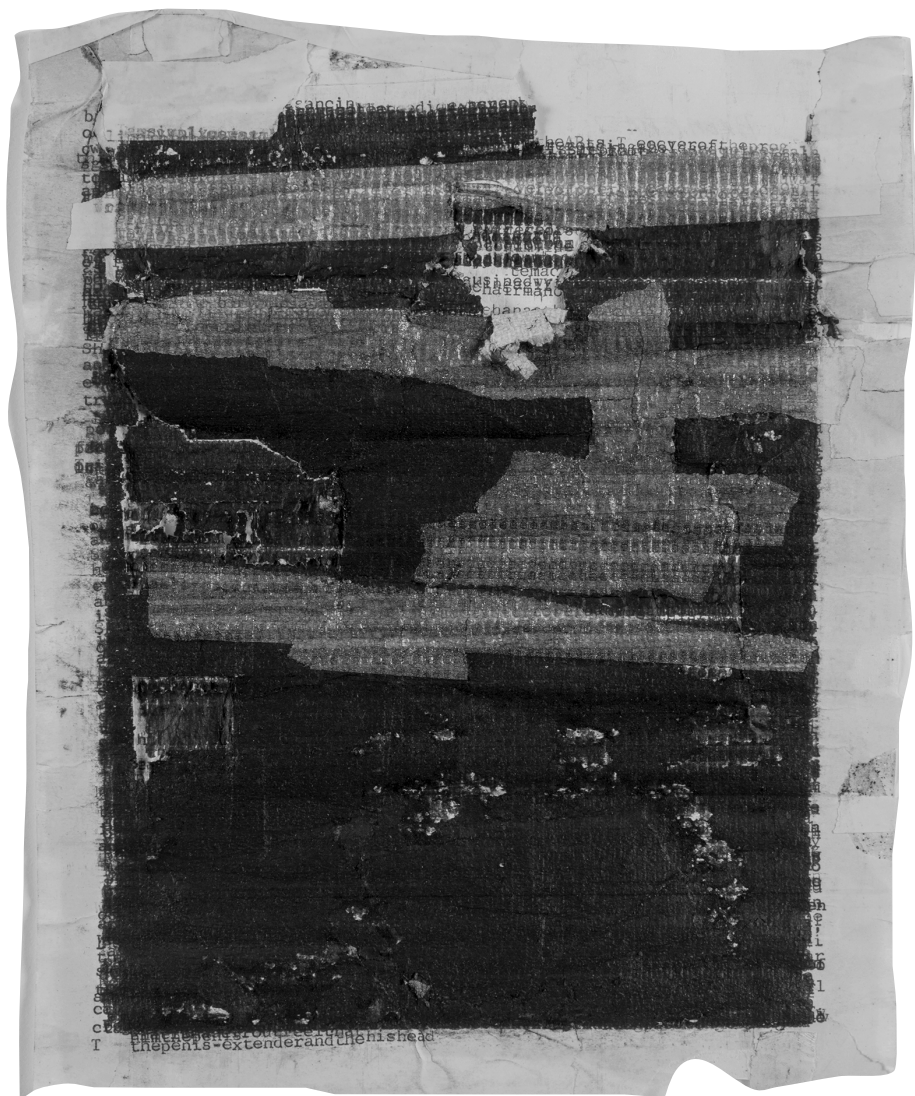
---

¹³ В Индианаполисе Воннегут родился.

PontiacdealerlikeWayne: "Anyways" 31

Pudent

Тим Юд. «“Завтрак для чемпионов” Курта Воннегута» (2013). Бумага, краска для пишущих машин. Текст объемом 303 страницы напечатан на машинке Smith Corona Coronamatic 2200. Музей и мемориальная библиотека Курта Воннегута, Индианаполис (штат Индиана), сентябрь 2013 г.

Полная версия: <https://www.alpinabook.ru/catalog/book-699192/>

Вообще-то, «Пожалейте читателя» можно читать, не имея никакого представления о прозе Воннегута. Но его слова, приведенные на этих страницах, принадлежат в первую очередь своему истинному жилищу, где они некогда и появились на свет.

Когда в 1950-х гг. Дэн Уэйкфилд выпускал свой первый роман-бестселлер (тогда, конечно, еще никто не знал, что он станет бестселлером), издатель, публиковавший также и Воннегута, предложил последнему стать редактором Уэйкфилда. По словам Дэна, эта редакторская работа «свелась к двухстраничному письму, адресованному мне и содержащему семь рекомендаций по улучшению моего романа. Я внес четыре изменения из предложенных семи, и благодаря этому мой роман действительно стал лучше. Но важнее всего стал его совет: не следовать никаким его предложениям “лишь потому, что это предложил я”. Он подчеркивал, что применять надо только те, которые мне “созвучны”. Он настаивал, чтобы я не писал и не менял ничего лишь из-за того, что он (или еще какой-то редактор или писатель) предложил это, — разве что эти предложения соответствуют моим собственным намерениям касательно этой книги, моим собственным представлениям о той, какой она должна быть». Уэйкфилд добавляет, что это стало для него «одним из ценнейших уроков редакторского мастерства».

Вспоминая сегодня задания, которые Воннегут давал нам в Писательской мастерской, я понимаю: они были нацелены не столько на то, чтобы обучить нас писательскому ремеслу, сколько на то, чтобы научить нас самостоятельно мыслить,

открывать, кто мы такие, что любим, чего терпеть не можем, что служит детонатором наших внутренних бомб, обо что спотыкаются наши сердца.

И я питаю амбициозную надежду, что слова Воннегута, приведенные в этой книге, окажут такое же воздействие на читателей.

«Сядясь писать, я чувствую себя словно безрукий и безногий инвалид с карандашом, зажатым во рту», — как-то раз заметил Курт Воннегут [4].

Это совет? Для меня — да. Он как бы говорит: ты это можешь. Каждый писатель чувствует себя неспособным к писательству. Даже сам Курт Воннегут. Просто не слезай с рабочего кресла и упорно продолжай бить по клавишам.

Но это еще не всё. В приведенном высказывании есть ярко выраженная и по-своему уникальная воннегутовость: оно возмутительно комично и требует от нас взглянуть на дело по-особому. Ведь мне повезло — я не безрукая и не безногая, и у меня есть не только карандаш, но и многое другое. Да и с большинством из вас такая же история, верно?

Так что это можно считать хорошей рекомендацией для учителей, разочаровавшихся в учительстве, для читателей, которые не понимают сложный текст, да и вообще для всех, кто берется за что-то и чувствует, что дело ему не по плечу. Ну и что, ведь то же самое можно сказать, по сути, обо всех нас. Вперед, не останавливайтесь! Веселей! Хорошенько посмейтесь! Ничего-ничего, никому из нас не по плечу его дело!

Топливом, питавшим писательскую энергию Воннегута, были гуманитарные проблемы, которые он хотел явить вниманию

других. Нам, его ученикам, повезло. Но самая обширная и самая важная аудитория его учеников — его читатели.

Преподавая в Писательской мастерской, Воннегут проявлял немалую страстность; иной раз у него случались приступы горячего негодования, а порой он заходился хриплым хохотом. Он был тактичен, проникателен, остроумен, хорошо умел развлекать. Иными словами, вел себя как автор своих книг. Иногда он принимал защитные позы, но все равно в большей мере *был собой* — всё тем же веселым чудаком из Индианы, искренним, всегда ищущим правду, всегда называющим вещи своими именами, — и когда он говорил, и когда он писал.

Курт Воннегут всегда учил. И всегда учился. И всегда передавал другим то, чему научился сам.

Я задавала рассказы, романы и эссе Воннегута всем своим студентам, а это были очень разные люди. Его работы не укладываются в четкие рамки возраста, этнической принадлежности, времени. «Колыбель для кошки» вдохновила меня на два задания, которые, на мой взгляд, оказались в числе лучших и едва ли не самыми оживленными и эффективными занятиями из тех, что я когда-либо проводила: одно — в рамках курса введения в литературу, в конце 1960-х, в местном колледже «Дельта»¹⁴, а другое — в рамках курса «Литература 1960-х годов», в 2001-м, вскоре после 11 сентября, в колледже Хантера¹⁵. Эти занятия разделяло три десятка лет.

Надеюсь, и с вами мы будем заниматься «подслушиванием увлекательных разговоров» (как говорил Воннегут, рассуждая об удовольствии от чтения рассказов) — разговоров, которые он вел со своими читателями.

---

¹⁴ Местные (общинные) колледжи в США готовят специалистов средней квалификации для работы «на местах». Образование в них, как правило, двухгодичное. Колледжи «Дельта» есть, в частности, в штатах Мичиган и Луизиана.

¹⁵ Колледж Хантера (Хантерский колледж) — один из колледжей Городского университета Нью-Йорка.

Невольно вспоминается обычный зачин письма к неизвестному, но ответственному и (как мы надеемся) отзывчивому адресату: «Тем, кого это может касаться». Кому-то эта фраза может показаться формальной и отстраненной, ведь обычно она используется именно в качестве некоей привычной и отстраненной формальности. Но я прошу вас воспринять ее буквально. Здесь она призвана служить теплым приветствием, чем-то вроде «Добро пожаловать»: ВСЕМ, КОГО ЭТО МОЖЕТ КАСАТЬСЯ.

ГЛАВА 1

СОВЕТ ДЛЯ КАЖДОГО, КТО ЧТО-НИБУДЬ ПИШЕТ

Когда я преподаю — а я пару лет вел писательский семинар в Айове, в Гарвардском Сити-колледже, — я не ищу людей, которые хотят стать писателями. Я ищу людей страстных, которых что-то в жизни жутко беспокоит.

Курт Воннегут, «Пожать руку Богу»¹

В 1980 г. International Paper Company выступила спонсором целой серии советов, печатавшейся в *The New York Times*. Каждую публикацию объемом две страницы готовил какой-нибудь известный эксперт. В каждом таком эссе основные тезисы набирались жирным шрифтом как подзаголовки, а ниже шли иллюстрации и разъяснения. Среди этих материалов — «Как произнести речь» Джорджа Плимптона, «Как написать резюме» Джерролда Саймона из Гарвардской школы бизнеса, «Как получать удовольствие от поэзии» Джеймса Дики² и другие.

---

¹ Здесь и далее «Пожать руку Богу» цитируется в переводе М. Загота и Т. Рожковой.

² Джордж Плимптон (1927–2003) — американский писатель, журналист, актер. Джеймс Дики (1923–2007) — американский поэт, романист.

«Учитывая, что я практически завалил химию, механику и антропологию, а также никогда не изучал литературу и композицию, мне предложили написать о художественном стиле», — говорил Курт Воннегут о своем вкладе в этот цикл полезных советов [5].

Я заприметила «Как писать хорошим стилем» Воннегута в *The New York Times*, когда номер только вышел, и после этого каждый семестр раздавала студентам колледжа Хантера, ходившим ко мне на писательский семинар, копии этого текста. Для начала я буду здесь придерживаться именно этого, воннегутовского формата. Эссе дает общие советы, рассчитанные на всех и касающиеся написания чего угодно. В текст входит семь пронумерованных «правил».

После вступления, состоящего из пяти абзацев, Воннегут предлагает свой первый — и самый важный — совет: **«Найдите тему, которая вам небезразлична».**

Отметьте, как он об этом пишет. Он изначально считает, что, поскольку вы — человек, вас что-нибудь да беспокоит. Вам нужно лишь хорошенько порыться на складе, то есть в себе, и отыскать это. Но ниже — разъяснение, и оно сложнее:

Найдите тему, которая небезразлична вам и которая, по вашим ощущениям, будет небезразлична и остальным [курсив мой. — С. М.]. Только неподдельный интерес, а не ваши игры с языком, может стать самым важным и привлекательным элементом вашего стиля.

Я, кстати, не призываю вас писать роман, хотя я не был бы против его прочесть, если вы действительно увлечены тем, о чем пишете. Вполне достаточно петиции мэру насчет дорожной ямы перед вашим домом или любовного письма соседской девушке [6].

Приведу историю, которая показывает абсолютную искренность высказывания Воннегута насчет этих сравнительно

скромных литературных форм. Рассуждая о своих шести детях в «Вербном воскресеньи», он говорит об интересах и художественных склонностях, которые, как ему кажется, они от него унаследовали, — в области столярного мастерства, рисования, музыки, шахмат. В этот период у его сына Марка вышла первая книга, а другую издали с иллюстрациями дочери Эди. Он превозносит и эти достижения, и художественную (и общую) производительность других своих детей, но самой высокой похвалы удостоивается письмо, которое написала совершенно незнакомому человеку другая его дочь:

Что из работ моих детей нравится мне больше всего? Наверное, это письмо, которое написала моя младшая дочь Нанетт. Оно такое *искреннее*! Нанетт написала его «мистеру Х.», раздражительному клиенту ресторана на мысе Код, в котором она работала официанткой летом 1978 г. Клиента так разозлило обслуживание в тот вечер, что он решил высказать свои претензии руководству ресторана в письменном виде. Руководство повесило письмо на доску объявлений на ресторанной кухне. Ответ Нанетт гласил:

Дорогой мистер Х.

Я как начинающая официантка сочла своим долгом ответить на письмо, направленное Вами администрации «АВС-Инн». Ваше письмо причинило ни в чем не повинной девушке больше страданий, чем Ваше неудовольствие от не вовремя поданного супа и слишком рано унесенного с Вашего стола хлеба.

Я верю, что неопытная официантка Вас действительно обслужила неидеально. Я припоминаю, что в тот вечер она была чем-то расстроена и встревожена, но надеялась, что ее ошибки и неловкость будут встречены с пониманием как следствие неопытности. Я и сама

совершала ошибки в подобной работе. К счастью, мои клиенты относились к этому с юмором и сочувствием. Я многому научилась на тех ошибках и всего через неделю благодаря помощи и поддержке других официанток и посетителей чувствую себя намного увереннее и редко ошибаюсь.

Я ни секунды не сомневаюсь, что Катарина станет умелой официанткой. Вы должны понимать, что учиться обслуживать столики столь же сложно, сколь учиться жонглировать. Трудно обрести верный ритм и сохранять равновесие, но, нащупав их, закрепляешь эти навыки крепко и навсегда.

Право на ошибку есть даже у работников таких безупречных заведений, как «АВС-Инн». Официантки не роботы. Это живые люди. Вы, возможно, не понимали, что, указав имя девушки, Вы не оставили администрации иного выхода, кроме как уволить ее. Катарина осталась без работы на лето, а впереди ведь школа.

Вы представляете, как нелегко найти работу в это время? Вы знаете, с каким трудом молодежь в наши дни сводит концы с концами? Я считаю своим долгом попросить Вас дважды подумать о том, что в жизни важно, а что нет. Я надеюсь, что, тщательно обдумав мои слова, в будущем Вы постараетесь поступать гуманнее и осторожнее.

Искренне Ваша,
Нанетт Воннегут [7]

Я сама ощущаю довольно необычное сочувствие, читая письмо Нанетт. Мой первый рассказ, появившийся в печати, написан от лица ресторанной посудомойки, которая сумела отомстить боссу-тирану [8]. Все время учебы в колледже я проработала официанткой (а позже я узнала, что преподавателям-ассистентам платят примерно столько же). Как

остроумно заметила поэтесса Джейн Хершфилд, многие писатели занимались в свое время «работой в общепите» [9].

В общем, как бы там ни было, письмо Нанетт удовлетворяет главному отцовскому критерию. Ее достаточно волнует тема, чтобы написать об этом письмо, и она полагает, что это должно беспокоить и других, в особенности ее босса («администрацию»), жалобщика, обсуждаемую официантку и, вероятно, других сотрудников ресторана.

Послание Нанетт выдержано в довольно серьезном тоне. Но писать на серьезную тему можно и в игровой манере. Господь свидетель — Курт Воннегут именно так и поступал.

За тридцать один год до этого двадцатипятилетний Курт составил контракт, который предстояло соблюдать ему и его жене Джейн. Они были тогда молодоженами и ожидали первого ребенка.

Итак:

КОНТРАКТ между КУРТОМ ВОННЕГУТОМ-МЛ. и ДЖЕЙН К. ВОННЕГУТ. Вступает в действие с 26 января 1947 г., субботы.

Я, Курт Воннегут-мл., настоящим клянусь неукоснительно следовать нижеперечисленным обязательствам:

I. При условии, что моя жена будет соблюдать достигнутую договоренность и не будет пилить меня, отвлекать меня криками, а также досаждать мне иным образом, я обещаю еженедельно отдраивать полы в ванной и на кухне — в день и час, избираемые мною самостоятельно. Мало того, я обязуюсь проделывать честную и тщательную работу, под каковой она (Джейн К. Воннегут) подразумевает, что я буду залезать *под* ванну, *за* унитаза, *под* раковину, *за* холодильный шкаф, во *все* углы и что я буду подбирать и перемещать на какой-то другой участок все подвижные предметы, которые ока-